ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

© 1993 г. ВЕЖБИЦКА А.

АНТИТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК В ПОЛЬШЕ: МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ САМООБОРОНЫ*

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИГЛОССИИ

Хорошо известно, какая важная роль отводится манипуляциям языком в тоталитарных и полутоталитарных государствах. Эта проблема получила классическую трактовку в антиутопии Орвелла "1984" [1]; ей посвящена знаменитая книга Клемперера "Lingua Tertii Imperii" [2] и многие другие книги и статьи, вышедшие недавно.

Но это лишь одна сторона вопроса. Официальный тоталитарный язык часто порождает свою собственную противоположность — подпольный анти тоталитарный язык. И хотя он тоже представляет собой чрезвычайно интересный для изучения объект, до сих пор ему уделялось мало внимания — значительно меньше, чем тоталитарному языку.

Автор одной из немногих работ, посвященных анти тоталитарному языку, Кочинский, пишет (о русском языке): "В условиях, когда цензура беспощадно подавляет любое свободное выражение мысли и критики, остается лишь одна свободная область, неподвластная этому контролю, — это область живого разговорного/народного языка" [3].

Авторы другого замечательного исследования того же рода, Заславский и Фабрис, считают: "В результате действия цензуры антиномия языковой нормы, установленной государственной языковой политикой, и потребности живого общения разрешается тем, что лексика неравенства (т.е. антиофициозный или неофициальный язык. — В.А.) полностью вытесняется из письменного языка открытой печати, существуя только в живой разговорной речи. Соответственно в советском русском языке возникает очень резкий разрыв между сферами официального и частного языкового поведения. Социокультурные нормы и ожидания в отношении языка, пригодного для обсуждения проблем политики, власти и неравенства, в частной сфере и в сфере официальной становятся настолько различны, что можно говорить о возникновении в советском русском языке чего-то вроде политической диглоссии" [4]. Противопоставление тоталитарного и анти тоталитарного языка в Польше представляет интересный случай подобной политической диглоссии.

Антиязык, общество и антиобщество.

В ходе интереснейшего обсуждения того, что такое "антиязыки", Холлидэй связывает определение антиязыка с определением антиобщества: "Антиобщество — это общество, которое существует внутри другого общества как альтернативное. Это способ выражения сопротивления — сопротивления, которое может принимать форму пассивного симбиоза, активной

* Language in society. 1990. V. 19. P. 1—59. Сокращение и перевод сделаны Р.И. Розиной с согласия автора. Статья оформлена по правилам, принятым в журнале "Вопросы языкознания". Там, где это возможно, польские слова приводятся в русской транслитерации.

враждебности и даже разрушения. Антиязык не только существует параллельно с антиобществом — на деле он порождается им” [5, с. 164].

Некоторые характеристики антиязыков (языков подпольного мира Калькутты), описываемых Холлидзем, и польского антиязыка безусловно совпадают, но различия между ними намного более значимы. Так, Холлидэй указывает: “Антиязык... не является ничьим родным языком... Это язык антиобщества” [5, с. 171]. Но в Польше антиязык — это родной язык большей части населения (хотя он не нашел отражения в официальном “Словаре польского языка” [6]). Он не является языком меньшинства, существующего как антиобщество. Напротив, это язык основной части населения. Парадокс заключается в том, что в стране, в которой основная часть общества вынуждена существовать в подполье, а маленькая и отчужденная от общества группа контролирует большую часть сфер легальной жизни, само общество, а не какая-то маргинальная группировка порождает антиязык. Польский антиязык направлен не против общества, а против номенклатуры, которая сама по себе является родом антиобщества. Номенклатура — хранитель официального языка, в то время как общество — хранитель подпольного языка: именно в нем выражаются, формируются и делаются общим достоянием ценности этого общества.

Что такое языковая самооборона?

Языковая самооборона в тоталитарном или полутоталитарном государстве состоит в изобретении способов выражения (имеющих более или менее постоянную форму) для тех эмоций, отношений и идей, которые не могут открыто выражаться в условиях жесткого политического контроля жизни страны. Например, если страх и ненависть, которые испытывает население по отношению к подавляющему его режиму и институтам этого режима, не могут свободно выражаться в речи, прессе или литературе, они могут быть выражены с помощью слов и словосочетаний подпольного языка, и сама эта возможность приносит поработанному населению некоторое психологическое облегчение и чувство освобождения. Благодаря тому, что подпольный язык может использоваться всеми, разные люди объединяются; это создает возможность замены свободных союзов и организаций, которые запрещены режимом.

Еще важнее то, что подпольный язык является формой национальной самообороны против промывания мозгов пропагандой. Он формирует подпольные отношения; он уменьшает страх и усиливает дух неповиновения и желание сопротивляться. Его роль в сохранении тождества, духа и внутренней свободы нации трудно переоценить.

Моя статья посвящена исследованию одной области антитоталитарного языка в Польше: я рассматриваю разговорные обозначения политической полиции. Ключевая роль, которую эта сила играла в стране, легко позволяет объяснить то, какая колоссальная языкотворческая энергия была потрачена в этой области, — и тем самым делает ее особенно интересным объектом изучения.

РАЗГОВОРНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

УВ (УБ).

“Состоялся ли хоть один открытый процесс над бандитами из *УБ*, которые, как известно каждому, убивали людей в камерах и зарывали трупы под полами? А те, кто организовал депортацию польских партизан периода второй мировой войны в Россию, — хоть один из них предстал перед судом?” [7, с. 98].

На первый взгляд, *УБ* — такой же акроним, как все остальные. Он состоит из двух больших букв, и его произношение соответствует произ-

ношению этих двух букв по-польски: [úbé]. Эти буквы заменяют название *Urząd Bezpieczeństwa Publicznego* "Отдел Общественной Безопасности", бывшее официальным названием Государственной безопасности в Польше периода 1944—1954 гг. Может показаться поэтому, что этот акроним связан с официальным названием точно так же, как десятки других, употребительных акронимов связаны с названиями учреждений и организаций — как, например, *PRL* "ПНР" связана с *Polska Rzeczpospolita Ludowa* "Польская Народная Республика". На деле, однако, в случае с *УБ* соотношение между акронимом и полным названием иное.

Как правило, полные официальные имена не являются произвольными названиями, созданными просто для обозначения определенных политических единиц. Они представляют собой дескрипции, благодаря которым эти объекты предстают в определенном свете и получают определенную интерпретацию, причем им создается определенный — положительный — имидж. Например, название *Polska Rzeczpospolita Ludowa*, навязанное Польше в 1945 г., выражало оппозицию "нормальному" названию страны *Польша* и сознательную попытку разрушить преданность народа просто Польше с ее тысячелетней историей и традициями, с тем, чтобы заставить нацию отождествлять себя не с Польшей, а лишь с коммунистической Польшей. Эта техника пропаганды, конечно, хорошо известна. В романе Орвелла "1984" [1] министерство войны официально называется *Министерство мира*, а министерство пропаганды — *Министерство правды* по той причине, что названия политических объектов сами являются важными инструментами пропаганды.

Коренное отличие акронима от полного названия — в том, что его функция обычно — идентификация. Например, *PRL* "ПНР" обозначает определенный политический объект, не давая ему ни какой-либо интерпретации, ни положительной оценки. Этот объект не идентичен тому, которые обозначается названием *Польша*, поскольку *ПНР* соотносится с определенным временным периодом (после второй мировой войны) и вызывает связанные с этим периодом социополитические ассоциации, но не выражает какую-либо интерпретацию или оценку реалий этого периода. По этой причине акроним *ПНР* может использоваться и в официальной (легальной) и в неофициальной (подпольной) печати в Польше. В разговорной речи его употребление выражает горечь и гнев говорящего; в то же время он принадлежит и официальному языку и используется в положительных и сверхположительных контекстах. Поэтому мы должны сделать заключение, что с семантической точки зрения название *PRL* "ПНР" нейтрально. Оно может получать положительные или отрицательные коннотации в зависимости от контекста, но само по себе не несет никакой оценки.

Не так обстоит дело с *УБ*.

Акроним *УБ* получил в Польше отрицательные коннотации такой силы, что все попытки официальных инстанций изменить их в положительную сторону оказались напрасными.

В период расцвета сталинизма в Польше колонны молодых людей в зеленых рубашках и красных галстуках маршировали по улицам Варшавы подобно гитлерюгенду и распевали:

My ZMP — my ZMP
Reakcji nie boimy się.

"Мы СПМ¹, мы СПМ
Мы не боимся реакционеров".

Нельзя представить себе, чтобы так можно было когда-нибудь употреб-

¹ СПМ — Союз Польской молодежи (примеч. перев.).

лять УБ. Коннотации УБ в Польше — те же, что у слова *гестапо*. В разговорном употреблении официального языка (т.е. в разговорной речи номенклатуры) название *Отдел Безопасности* часто сокращалось до *Безопасность* или заменялось словом *органы* "аппарат", но никогда не превращалось в УБ.

Например, в беседе между Я. Берманом, одним из ведущих членов Политбюро, курирующим службу госбезопасности с 1948 по 1956 год, и Т.Тораньской, молодой независимой журналисткой, Берман постоянно называет свою организацию *Bezpieka* "Безопасность", в то время, как Тораньска употребляет только обозначение УБ.

Две цитаты из ее книги помогают понять специфическое значение акронима УБ:

"И чтобы выполнить это, УБ сожгло более трехсот ферм в деревне Ваволница в районе Пулавы... Людей вешали вниз головой и вливали воду им в ноздри; стягивали головы железными обручами, пока люди не теряли сознания; заключенным в Бохне вгоняли под ногти шепки... Эти убийства, пытки, сожжения, уже веками не имевшие места в Польше, были элементами предвыборной кампании, предшествовавшей референдуму и выборам первого и последнего парламента, включавшего представителей Польской крестьянской партии, — выборам, на которых необходимо было победить до выборов, как хотел того Сталин" [8, с. 293]. "Вот несколько фактов, имевших место в сентябре 1945 г. Командир подразделения УБ в Бохне убил мэра деревни Богучице, Йозефа Колодзего, ...замучил пытками мэра Тапанова Яна Яротека до смерти и застрелил ...Йозефа Шидловского. Перед тем как Шидловский был застрелен, ему вырезали язык, вырвали ногти и выжгли глаза кочергой. Мэр деревни Сарнаки у Седлце был убит на глазах у всех крестьян, а их дома были сожжены УБ. Майор Собчинский, возглавлявший УБ в Ржечове, вместе с секретарем Польской рабочей партии в Перемышле выволок Владимира Койдера, члена Исполкома Польской крестьянской партии, из его дома. Впоследствии его нашли убитым в лесу — в теле его были следы 30 пуль" [8, с. 286].

В тот период истории Польши название УБ так прочно ассоциировалось с безликим злом, что ему не было места в языке официальной пропаганды — как будто сам официальный язык не решался упоминать о существовании УБ. В разговорной речи УБ произносили шепотом, как будто люди боялись, что само произнесение зловещего слова выдаст тот страх и ненависть, которые они испытывали.

Вторая причина, по которой этот акроним произносился только *sotto voce*², заключалась в том что члены организации, о которой идет речь, обычно скрывали свою принадлежность к ней. Они были "секретными сотрудниками", и даже упоминать о них открыто представлялось опасным.

Атмосфера вокруг УБ (включая само обозначение) в конце 40-х — начале 50-х годов хорошо передана в описании функций политической полиции в тоталитарном государстве, данном австралийским историком Э. Брамштедтом, которое приводит в своей книге А. Михник:

"Политическая полиция осуществляет контроль над обществом, создавая атмосферу страха. Функция полиции — насаждать страх в умах и сердцах, парализовать критику и независимое мышление, сломить волю несогласных — шаг за шагом — с помощью режима. Политическая полиция считает необходимым создать миф о себе как об организации, которая невидима, вездесуща и всеведуща" [9, с. 127].

Михник переносит на Польшу описание гестапо, которое дал возглавлявший нацистскую службу госбезопасности Р. Гейдрих:

"Гестапо и политическая полиция окружены атмосферой таинственности и страха. С ужасом и отвращением рассказывают наши тайные противники о нашей жестокости и беспощадных, бесчеловечных, садистских действиях, когда оказываются за границей. На родине же они подчиняются нашим требованиям, но предпочитают быть от нас как можно дальше и как можно меньше иметь с нами дела" [9, с. 127].

² *Sotto voce* (итал.) — приглушенным голосом (*примеч. перес.*).

Данные языка подтверждают возможность применения этого описания к политической полиции в Польше конца 40-х — начала 50-х годов, когда акроним *УБ* широко использовался, но произносился только шепотом.

Последнее обстоятельство, благодаря которому *УБ* воспринималось как табуированное слово, способствовало возникновению забавной связи между акронимом *УБ* и неприличным словом — связи, которая, возможно, была подкреплена случайным совпадением звучания *УБ* и *ubikacja* "уборная". Носитель языка чувствует, что это слово не следует произносить вслух, особенно прилюдно, как будто в самом этом слове есть что-то непристойное.

Можно следующим образом раскрыть содержание акронима *УБ* (в период, когда он широко употреблялся в Польше):

УБ

организация X и люди, являющиеся ее членами

я думаю о ней нечто плохое

я думаю о ней следующее:

она причиняет людям зло

она не желает, чтобы люди знали о том, что она делает

она может причинить зло кому угодно

я знаю, что другие люди думают о ней то же самое

я ощущаю нечто нехорошее, когда думаю о ней

я знаю, что другие люди ощущают то же самое

я знаю, что об этом не следует ничего говорить

УБ — не просто слово с отрицательными коннотациями. Его значение значительно более определено. Оно включает коннотации зла, безликости и непредсказуемости. Люди, являющиеся членами этой организации, воспринимаются как инструменты безликого, внушающего ужас и непредсказуемого зла, которое может нанести удар любому человеку в любой момент.

Слово *УБ* всегда употребляется как слово среднего рода, хотя опорное слово названия, *Urząd* "отдел", — мужского рода. Например: "Его арестовало *УБ*" [8, с. 338].

И в этом отношении *УБ* отличается от большей части акронимов, которые в официальном (а иногда даже в неофициальном) употреблении наследуют род опорного слова. Например, *ZMP* в официальной речи употребляется как слово мужского рода, поскольку опорное слово полного названия — *związek* "союз" — мужского рода. Способность ряда акронимов сохранять род опорного слова названия показывает, что они сохраняют в официальном языке и связь с пропагандистским содержанием официального названия. Но *УБ* почти никогда не используется как существительное мужского рода, поскольку этот акроним никогда не входил в официальный язык (так как режим умалчивал о существовании этой организации; и потому, что отрицательные коннотации, связанные с этим акронимом, в разговорной речи были невероятно сильны).

Нежелание официального языка употреблять акроним *УБ* сохранилось до самого конца коммунистического режима в Польше. Поразительно, например, как авторы толстого тома, выпущенного партийным издательством "Książka i Wiedza" в 1980 г. [10] и посвященного специально организации, известной в разговорном употреблении как *УБ*, ухищряются упоминать эту организацию почти на каждой странице книги, так ни разу и не употребив акроним *УБ*. Вместо этого постоянно используются пассивные безличные конструкции (например, *операція была проведена*) и положительно звучащие дескрипции (*апарат безпеки*). Кроме того, часто используются непонятные эвфемистические акронимы *PUBP* и *WUBP*, позволяющие избежать употребления легко узнаваемого и наполненного отрицательными коннотациями зловещего названия *УБ* (отметим, что каждый из этих непонятных акронимов скрывает в себе *УБ*).

Очень важно отметить, что после реорганизации сил безопасности в середине 50-х годов Отдел Безопасности формально перестал существовать (см. [11]), но акроним *УБ* не исчез из разговорной речи. Его продолжали (и продолжают) употреблять для обозначения современной деятельности сил госбезопасности, особенно ее тайной деятельности — такой, как распространение слухов и организация провокаций. Например, в сборнике документов, напечатанных в Париже в 1969 г., антисемитские листовки, распространявшиеся силами госбезопасности среди студентов польских университетов в 1968 г., упоминаются как "провокационные листовки *УБ*" [12].

Акроним *УБ* выжил и как основа производных слов *ubek* "сотрудник *УБ*"³, *ubecski* (прилагательное от *УБ*) *ubecja* (собирательное существительное) и т.п.

Ubowcy (убовцы) и ubowski (убовский).

Суф. *-owiec* (мн. *-owcy*) регулярно используется в польском языке для образования *nomina personae* от существительных и очень часто от акронимов. Обычно слова с этим суффиксом обозначают людей, которые являются членами каких-либо организаций, ассоциаций, партий и т.п., а также имеют более общий смысл "люди, которые хотят что-либо делать вместе". Например, *niepodległościowcy* (от *niepodległość* "национальная независимость" — это люди, вместе борющиеся за независимость, а *solidarnościowcy* — люди, вместе участвующие в деятельности "Солидарности" или в борьбе за солидарность. Такие употребительные слова, как *akowcy*, *zetempowcy* и *korowcy* обозначают участников *АК* (*Armia Krajowa* "Отечественная Армия", которая сражалась с фашистской Германией во время второй мировой войны), *ZMP* (*Związek Młodzieży Polskiej*, сталинский "Союз Польской Молодежи" и *KOR* (*Komitet Obrony Robotników* "Комитет защиты рабочих", организация, созданная польской интеллигенцией для защиты рабочих от репрессий после волнений 1976 г.). *Zomowcy* — обозначение сотрудников *ZOMO* (моторизованных подразделений полиции, использовавшихся для запугивания населения "Народной Польши").

Как свидетельствуют эти примеры, сам по себе суф. *-owiec* не несет ни положительной, ни отрицательной оценки. Например, слово *zetempowcy* могло использоваться как в языке официальной пропаганды, которая прославляла эту сталинскую организацию, так и в разговорной речи тех, кто ее ненавидел.

Опять-таки, слово *убовцы* отличается от других производных слов в этом плане, так как выражает отрицательную оценку независимо от контекста. Так же, как *УБ*, это слово принадлежит эпохе сталинизма и ассоциируется с ужасом и злом. У него есть все отрицательные коннотации слова *УБ* и еще одна дополнительная, которую вносит суффикс: "Я думаю о них как о людях, которые хотят делать одни и те же вещи вместе". Вот характерный пример:

"Когда я ушел на пенсию, у меня стало меньше денег и больше свободного времени. Это очень большая ценность. Я стал много читать. Мне хотелось узнать, как все было на самом деле. О ГУЛАГе, чекистах, энкаведешниках, *убовцах* и прочих садистах и убийцах в униформах" [13, с. 63].

Я предлагаю следующим образом раскрыть значение слова *убовцы*:

ubowcy

люди, которые являются членами организации X
я думаю о них следующее:

- они хотят делать одно и то же сообща
- они причиняют людям зло
- они могут причинять зло кому угодно

³ Ср. русск. *гэбэшник* (примеч. перев.).

я знаю, что другие люди думают о них то же самое

я ощущаю нечто нехорошее, когда думаю о них

я знаю, что другие люди ощущают то же самое

При той важной роли, которую слово *ubowscy* и тесно связанное с ним прилагательное *ubowski*, образованное от *UB*, играли в сознании поляков в первое десятилетие после войны, ни одно из этих слов не зарегистрировано в фундаментальном 12-томном "Словаре польского языка" [6], хотя другие слова, образованные от акронимов, включая слова, находящиеся на границе нормативной и ненормативной лексики, как правило, регистрировались словарем (см., например, производные от *ZMP*). То же касается других производных *UB* (*ubecy*, *ubecki* и т.п.). Это характерный пример того, что происходит с лексикографией при тоталитарных и полутоталитарных режимах (ср. [4]).

***Bezpieka* (безпека).**

Bezpieka — широко распространенное в Польше обозначение (коммунистической) политической полиции. Формально оно образовано от слова *Bezpieczeństwo* "Безопасность", которое является компонентом названия *Urząd Bezpieczeństwa*. Но *Bezpieczeństwo* несет позитивную оценку, принадлежит языку номенклатуры и никогда не используется в разговорной речи (встречается разве что при пародировании официального языка). На самом деле форма *bezpieka* может интерпретироваться как результат полусознательного искажения слова *bezpieczeństwo* и как намеренное отрицание его положительных коннотаций.

Суф. *-a* в польском языке имеет много различных функций, которые не могут быть сведены к функции образования собирательных существительных. К тому же здесь имеет место не просто приращение суффикса, но более сложный морфологический процесс, который может быть описан как отсечение суффикса (и вместе с ним положительных коннотаций, которые имело слово, включавшее суффикс) и замена отсеченного суффикса другим (в данном случае *-a*), выражающим идею множества (собирательности), и одновременно "обесчеловечивающим" слово, внося в него, соответственно, отрицательную оценку.

Данный морфологический процесс можно проиллюстрировать следующими примерами:

komuniści "коммунисты" — *komuna*;

konserwatyści "консерваторы" — *konserwa*;

ekstremiści "экстремисты" — *ekstrema*;

Существительные *komuna*, *konserwa*, *ekstrema* включают семантический компонент "я думаю, что эти люди подобны одному большому целому, которое производит что-то плохое", который отсутствует в производящих основах и поэтому должен быть прямо соотнесен с использованием при их образовании "обесчеловечивающего" суффикса собирательных существительных.

Я предполагаю, что этот же семантический компонент входит в значение слова *безпека*. Недостаточно сказать, что *безпека* — слово, выражающее отрицательную оценку, — потому, что *УБ* тоже выражает отрицательную оценку; но семантика этих слов и то, как они воспринимаются носителями языка, совершенно различны.

УБ — слово среднего рода — тоже "обесчеловеченное", но оно обозначает как людей ("убэшников"), так и саму организацию. *Безпека*, напротив, преимущественно обозначает организацию. Когда людей вызывали в политическую полицию, об этом говорили *быть вызванным в УБ*, но не *быть вызванным в Безпеку*. *Безпека* воспринималась как крупная организация, параллельная армии, как часть политической системы.

Однако морфологические и семантические ассоциации, которые вызывает слово *безпека*, отнюдь не исчерпывается связью со словами *komuna*, *konserwa* или *ekstrema*. Напротив, само это слово является центром чрезвычайно богатой и сложной системы семантических связей. Так, оно воспринимается как связанное с целым классом пейоративных существительных женского рода, обозначающих группы людей — *klika* "клика", *zgraja* "стая, банда" или *banda* "банда" — все они обозначают людей, "которые вместе хотят делать что-то плохое". Оно также воспринимается как связанное с классом существительных женского рода, обозначающих ситуации, в которых участвуют группы людей "хотящих вместе делать что-то плохое", — такие, как *draka* "драка", *heca* (вульг.: "безобразная потасовка"), *afera* "афера" или *melina* (воровск.: "малина"). Все эти слова воспринимаются одновременно как вульгарные и пейоративные, и интуитивно слово *безпека* связывается с ними. Отсюда возникает ощущение, что *безпека* — это организация бандитов, которые ощущают себя выше закона.

Эти связи позволяют объяснить различие между образами, ассоциирующимися со словами *УБ* и *Безпека*: *УБ* представляется чем-то действующим украдкой, бесшумно и в абсолютной тайне; *Безпека* — чем-то шумным; *Безпека* предполагает что-то большое и наглое — метафорически говоря, производящее много шума.

Кроме того, слово *безпека* воспринимается как имеющее увеличительное значение, что связывает его с такими словами, как *beka*, увеличительная форма слова *beczka* "бочка" и *teka*, увеличительная форма от *teczka* "портфель".

В то же время форма *безпека* напоминает название соответствующей советской организации — *Чека*. Носители русского языка воспринимали слово *Чека* как акроним, образованный от названия *Чрезвычайная комиссия*; но для поляков это просто название непонятной структуры, коннотации которого, однако, далеки от комплиментарных, хотя и не так зловещи, как коннотации названия *НКВД*, с которым пришлось столкнуться гораздо большему числу поляков и к тому же совсем недавно.

bezpieka

организация X

я думаю о ней нечто нехорошее

я думаю о ней следующее: она подобна одному большому целому,
которое делает плохие вещи

и которое хочет делать плохие вещи

я знаю, что другие люди думают то же самое

я ощущаю нечто нехорошее по отношению к ней

я знаю, что другие люди ощущают то же самое.

В слове *безпека* есть что-то вызывающее и ироническое⁴; во всяком случае, оно может употребляться в ситуации вызова и в иронических и сатирических контекстах, в то время, как *УБ* звучит всегда мрачно и серьезно. В экспликации значения этого слова, которую мы дали, нет ничего, указывающего на связь с вызовом, иронией или сатирой. Однако наличие компонента "она подобна одному большому целому, которое хочет делать плохие вещи" в какой-то степени объясняет легкость, с которой это слово употребляется в таких контекстах. Это слово вызывает представление о чем-то нескладном, гротескном и порочном одновременно.

В отличие от слов с корнем *уб-* слово *безпека* зарегистрировано в "Словаре польского языка" [6]. В то же время словарь не дает примеров употребления этого слова и снабжает его пометой *разг.*

⁴ Ср. русск. *збуха*. (примеч. перев).

Bezpieczniacy (безпечняки).

В языке правящего класса разговорным обозначением УБ было слово *Bezpieczeństwo* "Безопасность". От него было образовано два других — существительное *bezpieczniacy* (ед. *bezpieczniak*) и прилагательное *bezpieczniacki*; оба они принадлежали исключительно языку правящего класса, а за его пределами употреблялись лишь в ситуации иронического цитирования чужой речи.

Слово *bezpieczniacy* "безпечняки" обозначает ту же категорию людей, что *убовцы*, — т.е. членов УБ, однако семантические характеристики этих двух слов абсолютно различны.

Огрубляя, можно сказать, что слово *убовцы* имеет отрицательные коннотации, а *безпечняки* — положительные; слово *убовцы* принадлежит языку жертв и тех, кто может стать жертвами УБ, а *безпечняки* — языку тех, кто идентифицирует себя с этой организацией.

Например, Р. Верфель, один из ведущих идеологов партии, пропагандист и издатель, пишет:

"Все крупные партийные деятели были связаны со службой безопасности. Я был в добрых отношениях со многими нашими беспечняками после войны. Любой из них мог забежать ко мне, чтобы спросить о чем-нибудь или узнать мое мнение по какому-нибудь вопросу" (см. [8, с. 97]).

Выражение *наши беспечняки* были очень употребительным в речи людей, подобных Верфелю, что безусловно говорит о многом. Но это не просто слово с положительными коннотациями, предполагающее отождествление говорящим себя с теми, о ком он говорит. Значение этого слова гораздо богаче. Прежде всего мы можем утверждать, что его коннотации подобны коннотациям англ. *boys* ("мальчики, ребята"), когда это слово используется взрослыми людьми, объединенными корпоративным духом и сознанием, что они делают замечательные вещи вместе, ср.:

Where are the boys of the Old Brigade
Who fought with us side by side? [14]

Где же ребята из Старой Бригады,
Что бились бок о бок с нами?

Это слово связывается с представлением о молодости, мужественности, мужской солидарности, романтике, преданности и принадлежности одной группе.

Пытаясь понять и документировать особый семантический статус слова *безпечняки*, мы должны учесть, что это не единственное образование такого рода, — по-видимому, здесь имеет место продуктивная морфосемантическая категория. Вот некоторые примеры:

czwartacy — от *czwarty pułk piechoty*, "четвертый пехотный полк";
warszawiacy — от *Warszawa* "Варшава";
krakowiacy — от *Kraków* "Краков";
lwowiacy — от *Lwów* "Львов".

Данная категория составлена существительными мужского рода, обозначающими группы людей и образованными от основ, являющихся названиями городов или пространственно-временных объединений людей (военных подразделений или учебных заведений). Эти существительные обычно употребляются только в форме мн. числа, образованы с помощью суф. *-ak* и в форме им. пад. мн. числа обычно имеют форму *-acy*.

У суф. *-ak* много разнообразных функций, но все они связаны между собой; и находить семантическую близость таких форм, как *безпечняки* и других слов с суф. *-ak*, — невероятно увлекательное занятие.

Прежде всего суф. *-ak* используется для образования названий молодых животных от названий детенышей животных:

szczenie — *szczeniak* "щенок";

kocię — *kociak* "котенок";

prosię — *prosiak* "поросенок";

żrebię — *żrebak* "жеребенок";

Существительные на *-e* обозначают детенышей животных, воспринимающихся как детеныши; существительные же на *-ak* обозначают молодых животных, которые уже не являются детенышами или же к которым говорящий уже не хочет относиться, как к детенышам. В значении всех этих существительных содержится сочетание компонентов "большое маленькое существо", "молодое существо, еще не взрослое существо, но не детеныш; или такое, с которым не обращаются, как с детенышем".

Например, одушевленные существительные *niemowlak* "грудной ребенок" и *dziecak* "ребенок" предполагают несентиментальное отношение со стороны говорящего, тождественное отношению к молодым животным, говоря о которых употребляют слово с суф. *-ak*. Это утверждение справедливо и по отношению к таким формам, как *uczniaki* "ученики, школьники", *studenciaki* "студенты" или *przedszkolaki* "дошкольники". Все эти слова представляют людей как молодых существ, к которым говорящие относятся без всякой сентиментальности и которых не воспринимают как детей. В тех же случаях, когда слова, обозначающие людей, образованы с помощью суф. *-ak* от прилагательных, суффикс выражает что-то вроде легкой жалости или презрения в зависимости от значения корня, например:

biedny "бедный" — *biedak* "бедняк";

prosty "простой" — *prostak* "простак";

tajna policja "тайная полиция" — *tajniak* "сексом".

Слова типа *bezpieczniaki*, обозначающие людей и образованные от географических названий или от названий военных подразделений или учебных заведений, также особым образом развивают тему "молодых существ, не являющихся детьми". Слова этого рода подразумевают особую привязанность и гордость, которую испытывают люди определенной группы по отношению к месту или к подразделению, в котором они были вместе. Характерно, что такие слова обычно используются этими людьми для обозначения себя самих и выражают их общее чувство гордости, солидарности и сознание своей исключительности. Эти слова также выражают ощущение молодости и задора, которое обычно ассоциируется с воспоминаниями о забавах юности. Это "потрясно" находится или учиться в этом месте, но особенности и исключительность его неотделимы от молодости тех, кто там побывал.

Чтобы передать особый образ молодости, ассоциирующийся с существительными этой группы, обозначающими людей, я хочу включить в их семантическую формулу следующие компоненты:

я думаю, что люди, которые являются членами X,

могут делать то, что не могут делать другие люди

я думаю, что они хотят делать то, что люди.

которые не молоды, не захотели бы делать.

Слово *bezpieczniaki* связано с таким именно рядом ассоциаций и передает именно этот образ и такое восприятие себя людьми.

bezpieczniacy

люди, которые являются членами организации X

я думаю об этой организации нечто хорошее

я думаю, что люди, которые являются членами этой организации

могут делать вещи, которые не могут делать другие люди

я думаю, что они хотят делать вещи, которые люди, не являющиеся молодыми, не захотели бы делать

я думаю, что другие люди думают то же самое
я чувствую нечто хорошее по отношению к этим людям
(которые являются членами этой организации)
я думаю, что другие люди чувствуют то же самое)

Ubescu (убеки).

В конце 40-х — начале 50-х годов членов УБ обычно (хотя и не без исключений) называли *убовцы*. С тех пор, однако, это мрачное и зловещее слово, окруженное атмосферой тайной и безликой жестокости и темной силы, почти вышло из употребления и стало восприниматься как устаревшее, хотя в период военной диктатуры оно вернулось на короткое время, как показывает следующий пример: "С моей точки зрения он был тайный *убовец*, который в конце концов раскрылся" [13, с. 31]). В целом в разговорной речи вместе слова *убовцы* стало употребляться другое слово — *убесу* "убеки", в ед. числе *ubek* "убек". Это слово также образовано от УБ, но отличается от слова *убовцы* как структурой, так и значением.

Самым грубым образом их различия можно было бы определить так: *убовцы* ассоциируются с чем-то вызывающим страх и ужас, а *убеки* — с чем-то, вызывающим негодование и презрение.

Интересно, что различаются представления даже о физическом облике, связанном со словами *убовцы* и *убеки*: первые видятся в полицейских мундирах и черных кожаных пальто; вторые — в пальто из орталиона — легкого, непромокаемого, похожего на нейлон материала. Одевание психологически "уменьшилось" и стало менее угрожающим, но тех, кто носил эту форму стало больше, чем *убовцев*...

"...и они начали пронзительно смотреть на меня; двое из них были в черных кожаных пальто — таких, как носили гестаповцы. "Да, я Несторова, что вам угодно?" — спросила я их. А они продолжали смотреть на меня так, как будто просвечивали мою голову рентгеном" (о 1947 г., см. [7, с. 20]).

Ср. с образом *убеков* в комической опере Спотаньского о политической полиции в Польше времен Гомулки (после 1956 г.):

"У нас уже не бандитские лица.

Хотя наши сердца остались собачьими.

Сегодня те, кто привык молчать, продали свои мундиры

И выглядят по-новому, совсем по-новому.

В хорошо сшитых костюмах из магазина, в рубашках из валютки,

Шелестя своей одеждой из прекрасного орталиона,

Они заходят в кафе, на вечеринки и в общественные туалеты,

Эти печальные, молчаливые батальоны" [15].

Как ясно показывают эти цитаты, *убекам* придается меньше значения, они меньше, чем *убовцы*, и менее заметны, но число их представляется большим, и они проникают в жизнь общества повсеместно.

В книге Новаковского [16, с. 97] мы находим рассказ о том, как тайная полиция производит обыск в доме, хозяин которого занимается нелегальной деятельностью. Вскоре он возобновляет распространение самиздатской литературы и для прикрытия берет с собой своего четырехлетнего сына. Во время поездки в переполненном автобусе малыш замечает, что пластик на сиденье разорван.

"Смотри!" — сказал он, хватая меня за плечо. Я туго повернул голову. Он громко сказал: "Наверно, *убеки* разорвали его во время обыска". Всего четыре года, а такой сообразительный! Мыслительные процессы совершенно безупречны! Но я был страшно напуган!"

Папа весь в поту от ужаса, но люди в трамвае смеются. Опять-таки, почти невозможно предположить, что слово *убовцы* появится в сходном контексте.

Презрение к *убекам* и восприятие их как каких-то маленьких существ

может иметь грамматическое выражение — в употреблении окончания неодушевленных существительных (*ubeki* используется чаще, чем *ubescu*) и среднего рода (*toto*):

"Ależ to głupaki te *ubeki*, gdzie toto się nauczyło takiego głupiego myślenia?" "Что за кретины эти *убеки*, где эти создания научились так по-идиотски думать?" [7, с. 20]).

Это не значит, что *убеки* представляются безвредными. Контексты употребления слова *убек* могут быть зловещими:

"Тут же Скворон (учитель) выяснил, что Ковалик был одним из тех *убеков*, которые работали с Вышковским... Во время допроса Вышковский был жестоко избит, а две недели назад его похоронили" [17].

Но даже в таком контексте слово *убек* вызывает презрение и отвращение, а не страх и ужас.

Со словом *убек* связаны также представления об атмосфере секретности и чувстве вины. Как правило, *убек* не хочет, чтобы люди знали, кто он такой (чтобы можно было шпионить за ними). Поэтому самый распространенный тип контекстов, в которых появляется это слово, — контексты, связанные с проблемами узнавания *убеков*. Например:

"А он не *убек* случайно?" [18]; "В другой раз он поразил меня своей бдительностью. Указывая на человека в штатском, идущего за нами, он прошептал: "Он идет так, как будто он..." "Кто?" — спросил я. "*Убек*", — просто ответил он" [16, с. 97].

Убеки, так сказать, меньше, чем *убовцы*. Они прячутся. Они делают плохие вещи, и они хотят делать плохие вещи, но они подобны крошечным существам, которые хотят причинять людям зло. Люди чувствуют нечто нехорошее, думая о них, но не обязательно чувствуют это по отношению к ним (так же, как можно ощущать нечто нехорошее при мысли о клопах, но не по отношению к ним).

Нетрудно видеть, какую роль играют разные части слова *убеки* в создании его семантики. В каком-то смысле можно считать, что это слово состоит из корня *ub-* и суф. *ek-*, но на самом деле гласная *-e-* может рассматриваться как принадлежащая одновременно и корню, и суффиксу (*ube-* + *-ek*). Корень *ube-* отождествляется со словом *УБ* (которое произносится [úbé] и воспринимается как несоущий на себе все значение этого слова. В то же самое время суф. *-ek* вносит свое собственное значение, действуя как семантический оператор, модифицирующий значение корня.

Основная функция суф. *-ek-* — функция уменьшительного суффикса первой степени, служащего для образования существительных от существительных же, например:

pies "пес" — *piesek* "песик";

ogon "хвост" — *ogonek* "хвостик".

Коннотации форм типа *piesek* и др. — маленький размер и ласкательное отношение. В соединении с существительными, обозначающими некоторые классы людей (личные имена, родственные отношения и др.), суф. *-ek* тоже передает значение уменьшительности в сочетании с положительными коннотациями другого рода:

Jan "Ян" — *Janek* "Янек" (дружески-фамильярное обращение);

syn "сын" — *synek* "сынок".

В сочетании с другими категориями существительных, обозначающих людей, однако, суф. *-ek* имеет коннотации уменьшительности в сочетании с уничижительным оттенком:

żyd "еврей" — *żydek* "еврейчик" (уменьшительное и несколько презрительное обозначение)

polak "поляк" — *polaczek* "полячишка" (уменьшительно-презрительное)

Bóg "Бог" — *bożek* "божок" (языческий бог, презрительно)

Слово *убек* следует анализировать в контексте всех этих образований. Корень вносит в значение слова следующие компоненты: "я знаю, что они

причиняют зло” и ”я знаю, что они хотят причинить зло”, а суффикс — компонент ”я думаю, что они похожи на маленьких существ” и как бы вычеркивает компонент ”я думаю, что они могут причинить зло кому угодно”, который входит в значение мрачного и зловещего слова *УБ*. *Убека* воспринимают не как кого-то, кто может причинить зло кому угодно, но как кого-то, кто ”подобен маленькому существу, которое хочет причинять зло”.

ubecu

люди, которые являются членами организации X

я думаю о них следующее:

они причиняют зло

они не хотят, чтобы люди знали, что они делают

они хотят причинять зло

они похожи на крошечных существ, которые хотят причинять зло

я знаю, что другие люди думают то же самое

я ощущаю нечто нехорошее, думая о них

я знаю, что другие люди ощущают то же самое

Симптоматично, что слово *убеки*, столь употребительное в современном разговорном польском языке, не зарегистрировано в объемистом ”Словаре польского языка” [6].

Важно указать, что слово *убеки* и производное от него прилагательное *убецкий* широко использовалось в Польше 80-х годов, хотя организация, сотрудников которой эти слова называют, давно — с середины 50-х годов — перестала называться *Urząd Bezpieczeństwa* ”Отдел Безопасности”. Всеобщая ненависть к этой организации и к самому звучанию ее названия даже в его сокращенной форме была так сильна, что режим вынужден был произвести ее реорганизацию и назвать ее по-новому. В середине 50-х годов *Urząd Bezpieczeństwa* был официально заменен организацией, называвшейся *Służba Bezpieczeństwa* ”Служба Безопасности”. Однако, как указывает Карпиньский, разговорная речь отказалась признать эти изменения сколько-нибудь значимыми и продолжала относиться к политической полиции как к одной постоянной организации [19].

Карпиньский прав. Замена *УВ* ”УБ” на *СВ* ”СБ” не привела к автоматической замене слова *убек* словом *збек*. В разговорной речи *убек* сумел пережить перемены и организационного, и терминологического характера; употребление этого слова не стало менее частотным. Наоборот, через 30 лет после роспуска *УБ* это слово все еще всем знакомо. В то же время разговорный язык — необыкновенно точный индикатор и инструмент общественной жизни — не проигнорировал перемены во внутренней политической ситуации Польши; более того, он дал этим переменам собственную интерпретацию — безусловно отличающуюся от той, которую пыталась им дать официальная пропаганда. Переход от *убовцев* к *убекам* позволяет передать и перемены, и преемственность. Наследование корня *уб-* указывает, что это то же самое старое *УБ*. Смена же суффикса отражает новую перспективу, в которой видится *УБ*: это *-ек*-перспектива. А иногда это *-ол*-перспектива, о которой я хочу поговорить в следующей части.

Ubole (*уболе*).

Если слова *убовцы* и *убеки* вызывают у носителей языка различные дурные ощущения, связанные с данными категориями людей, то слово *уболе* ассоциируется с дурным ощущением, которое возникает по отношению к самим этим людям. Это слово выражает презрение так же, как слово *убек*, но оно серьезнее и экспрессивнее. Если слово *убек* обозначает того, кто ”похож на крошечное существо, которое хочет причинять зло”, *уболе* обозначает того, кто ”нехорош и груб”. Это слово чикак не связано с уменьшительными значениями и принадлежит совершенно

иной семантической парадигме. Оно входит в число существительных на *-ol*, обозначающих людей, в числе которых *ramol* (ядерное слово и источник всей группы), *robol*, *ghupol* и *zezol*.

Слово *ghupol* образовано от прилагательного *ghupi* "глупый", но выражает еще более сильное презрение, чем *ghupiec* или *ghupek*. *Zeazol* образовано от *zezowaty* "косоглазый", но предполагает, что тот, о ком идет речь, глуп и порочен. Например, у Новаковского [16, с. 35] этим словом обозначается сотрудник Отдела кадров, в функции которого входит ведение табелей на других сотрудников:

«Когда я вышел из комнаты, я увидел, что там стоит этот *zezol* ("косоглазый зомби", "сторожевая собака + кретин") из Отдела кадров, но он ничего не сказал».

Ramol — презрительное обозначение старого маразматика. Это слово выражает насмешку в сочетании со злостью и раздражением. *Robol* — образованное от слова *robotnik* "рабочий" презрительное обозначение, использовавшееся аппаратчиками Польской объединенной рабочей партии по отношению к тем, кого их партия должна была представлять.

Михник описывает менталитет типичного аппаратчика эры Герека следующим образом:

«Наш аппаратчик поглощал нектар, доступный отнюдь не всем, жил в своем собственном мире и говорил на своем собственном языке. И верил, что Польша становится все могущественнее, а ее народ все ближе к процветанию. И верил, что Польша и номенклатура едины. Июнь 1976 г. исцелил его лишь частично. Он слишком был готов поверить в то, что восстание рабочих в Радоме и Урсусе было простым хулиганством, и в то, что эффект "экономического маневра" Герека будет благотворным... А затем пришел август 1980 и нанес сногшибательный удар. *Роболы* (как привык он называть "хулиганов") подвергли сомнению законность власти, которой обладали его господа и он сам. И началось землетрясение, которое продолжалось много месяцев» [9, с. 67].

Робол — рабочий в спецовке, которого тот, кто так его называет, видит неспособным думать от природы и уподобляет животному или существу, не являющемуся человеком и низшему по сравнению с ним.

Семантическая роль компонента *-ol* в слове *убол* почти прозрачна. Корень *уб-* выполняет в этом слове такую же роль, как в словах *УБ* и *убовец*, но при этом значение корня не ослабляется и не модифицируется суффиксом, как в слове *убек*, потому что *-ol* в отличие от *-ек* никогда не бывает уменьшительным суффиксом.

Хотя компонент *-ol* встречается в составе существительных довольно редко, он часто сочетается с глагольной основой, выполняя при этом роль фонестемы. Все глаголы с этим компонентом высоко экспрессивны и служат для обозначения неуклюжих, неумелых и не приводящих к хорошим результатам действий. Например:

rzepolić "пилить", на скрипке или же на другом музыкальном инструменте);

partolić "портить", "портачить", "паскудить");

chromolić (вульг.: делать что-то очень плохо, небрежно, "лепить");

perdolić (вульг.: "пердеть");

dyndolić — "трезвонить";

dzyndolić — "бренчать";

Некоторые из этих глаголов имеют вполне невинные значения и встречаются в шутливой речи; другие являются бранными словами, но у всех у них есть коннотации некомпетентности и бестолковости, и у всех есть следующие общие семантические компоненты:

а) X не может хорошо делать то, что могут делать другие люди;

б) X похож на существо, которое неспособно думать;

в) я ощущаю нечто, думая о том, как X что-то делает.

В каком-то смысле компонент (в) предполагает отрицательные ощущения ("я ощущаю нечто плохое, думая об X"), но поскольку глаголы данной группы преимущественно шутивы, эта импликация несерьезна.

Однако существительные на *-ol* всегда содержат отрицательную оценку, которая сочетается с импликациями "люди, о которых идет речь, не умеют хорошо делать то, что умеют делать другие люди" и "они подобны существам, которые неспособны думать".

ubole

люди, которые являются членами организации X

я думаю о них следующее:

они причиняют зло

они хотят причинять зло людям

они подобны существам, которые неспособны думать

они не могут делать то, что делают другие люди

они могут причинять зло людям

я ощущаю нечто нехорошее по отношению к ним.

В отличие от слов *убеки* и *убовцы* слово *уболе* — подобно слову *безпека* — выражает плохое отношение к тем, о ком идет речь. Отношение, выражаемое этим словом, имеет гораздо более личный характер и гораздо резче выражается, чем словами *убовцы* и *убеки*; поэтому я не включила в экспликацию его значения указание на то, что думают и чувствуют другие люди ("я знаю, что другие люди думают то же самое", "я знаю, что другие люди чувствуют то же самое"). Это слово выражает презрительное отношение, но при этом без той беззаботности, которая присутствует в слове *убеки*. Если *убеки* видятся крошечными существами, которые хотят делать зло, то *уболе* видятся существами, неспособными думать и в то же время хотящими причинять зло людям. Такое сочетание может быть опасным.

Ubesja (убеция).

Ubesja (убеция) — собирательное существительное, обозначающее множество *убеков* или же место, ассоциирующееся с ними и с их деятельностью. С формальной точки зрения можно считать, что оно образовано либо от слова *убек* (*убеки*), либо от *УБ*, но с семантической точки зрения оно явно связано отношениями производности с первым словом, а не со вторым. Тем не менее коннотации слова *убеция* не полностью совпадают с коннотациями слова *убеки*. Это слово выражает презрительное отношение, но дополнительно к нему примешивается черный юмор. В нем содержится намек на то, что деятельность *убеков* имеет несколько фарсовый характер, подобно действиям толпы громил.

Слово *ubescja* явно напоминает слова *policja* "полиция" и *milicja* "милиция", эвфемистическое обозначение полиции Польской Народной Республики, "небуржуазная", "хорошая" полиция). Но *полиция* и *милиция* — это не собирательные существительные, образованные от существительных, обозначающих отдельных людей (*policjant* "полицейский" и *milicjant* "милиционер"). *Убеция* же образована от слова *убеки*. Соответственно параллелизм между *убецией* и *милицией* или *полицией* имеет внешний, а не реальный характер. Это поддельный параллелизм, который — в сочетании с отрицательной основой *убеки* — содержит тонкий намек на то, что *убеция* — пародия на полицию. Скрытое содержание слова заключается в том, что *убеция* — как *полиция* или же *милиция* — должна быть блюстителем законности и порядка, но на деле препятствует их соблюдению, насаждая противоположное, поскольку является переодетым фарсовым воплощением *УБ*.

Будучи в то же время косвенно связано с акронимом, слово *убеция* ассоциируется с широко употребительными перед второй мировой войной названиями двух политических партий, *endecja* "эндещия" и *chadecja* "хадещия", производных от *ND* "НД" и *ChD* "ХД" соответственно *Narodowa Demokracja* "Народная Демократия" и *Chrzescijanska Demokracja* "Хрис-

тианская Демократия". Существует параллелизм также между названиями этих множеств:

Ед.	Мн.	Собир.
<i>ubek</i>	<i>ubecy</i>	<i>ubecja</i>
<i>endek</i>	<i>endecy</i>	<i>endecja</i>
<i>chadek</i>	<i>chadecy</i>	<i>chadecja</i>

Но это также фальшивый параллелизм, потому что названия этих двух партий (*эндеция* и *хадеция*) не были образованы от названий их членов; наоборот, *эндек* и *хадек* производны — морфологически и семантически — от названий партий. В случае с *убецией* и *убеками* производность направлена прямо в противоположную сторону.

Формальное тождество *убеции*, *эндеции* и *хадеции* заставляет воспринимать название *убеция* как название настоящей политической партии; в сочетании с корнем *убе-* это производит комический эффект.

Существует также связь между словом *убеция* и другими существительными женского рода, образованными от обозначений людей, например:

lobuz "жулик" — *lobuzeria* "жулье";
chuligan "хулиган" — *chuliganeria* "хулиганье";
gałgan "мошенник" — *gałganeria* (?...)
smarkacz "сопляк" — *smarkateria* (? соплячье)
student "студент" — *studenteria* (?...).

Слова с суф. *-eria* обозначают группы людей, вместе совершающих безответственные действия, — людей, которые могут причинить зло, но которых нельзя принимать всерьез. К этому списку недавно прибавилось слово *pezetpeeria*, образованное от акронима *PZPR* (*Polska Zjednoczona Partia Robotnicza* "Польская объединенная рабочая партия", т.е. Коммунистическая партия) — издевательское обозначение номенклатуры, которая видится как банда политических хулиганов, "вместе безответственно чинящих зло".

Коннотации слова *убеция* отличаются от коннотаций слова *безпека*. Экспрессивное обозначение *безпека* по аналогии со словом *мафия* предполагает крупномасштабный бандитизм; у *убеции* более мягкие коннотации "хулиганства" — как будто на производном слове все еще лежит отпечаток суф. *-ек* слова *убек*, породившего слово *убеция*, и взаимодействует с коннотациями суф. *-ция*.

Слово *безпека* вызывает представление о большой организации; слово *убеция* — о толпе *убеков*, которые готовы совершить очередную гадость (вспомним агентивное значение суф. *-ция* в *полиция* и *милиция*).

В моем присутствии студентка сказала о своей сокурснице: "Ее отец служит в *убеции*". Я спросила ее, могла ли бы она в этом предложении употребить слово *безпека*, и она ответила, что это невозможно. Слово *безпека* предполагает более высокий уровень абстракции, восприятие организации, о которой идет речь, как целого, и уместно в подпольном политическом дискурсе. В речи же подростка, говорящего о другом подростке и имеющего в виду местное отделение организации, гораздо более уместно слово *убеция*.

ubecja

люди, которые являются членами организации X
я думаю о них следующее:

они все похожи друг на друга

они причиняют зло сообща

они хотят причинять зло сообща

они похожи на маленьких существ, которые хотят причинять зло сообща

я знаю, что другие люди думают то же самое
я ощущаю нечто нехорошее, думая о них
я знаю, что другие люди ощущают то же самое.

Со словом *убеция* связана еще одна загадка. Поскольку это слово было образовано от слова *убеки* и семантически связано с ним, можно было бы ожидать, что оно появилось и распространилось в то же самое время, что *убеки*, или вскоре после него. Но это не так. Слово *убеки* было широко распространено в Польше не только в 80-е годы, но и в 70-е, 60-е и в конце 50-х годов. Напротив, слово *убеция* принадлежит 80-м годам.

СЕМАНТИКА ЭКСПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Тонкие прагматические значения, подобные тем, которые исследовались в данной статье, редко подвергались тщательному и строгому анализу, поскольку многие ученые считали их неподходящими для него объектами. Я надеюсь, что в этой работе и других моих публикациях [20—25] мне удалось доказать, что использование естественного семантического метаязыка, в основу которого положена гипотетическая система универсальных семантических примитивов, делает эту задачу выполнимой.

Однако для того, чтобы получить интуитивно приемлемую экспликацию прагматических значений и обосновать ее, нам нужно нечто большее, чем семантическая интуиция (хотя именно с нее начинается анализ). Нам необходимы какие-то конкретные средства исследования. В каком-то смысле лингвист стоит перед той же проблемой, что и говорящий. Откуда люди знают, когда они произносят такие слова, как *ubek* и *ubol*, что они вкладывают в них те же значения, что и другие люди? Как могут люди употреблять новые слова — такие, как слово *ubecja* — и быть уверенными, что слушающие поймут, что имеется в виду?

Один ответ на этот вопрос кажется само собой разумеющимся. Мы воспринимаем прагматическое значение из контекста, и даже ограниченное число контекстов, характерных для слова, может дать уверенность по поводу того, каково значение и коннотации данного слова.

Во-вторых, в случае прагматических значений, ценными индикаторами являются интонация и выражение лица. Если лингвист может наблюдать живое употребление исследуемых слов и выражений, ключи такого рода могут сослужить ему такую же службу, как и носителям языка.

В-третьих, прагматические значения часто поддерживаются сетью формальных — словообразовательных и прочих — связей.

Когда, например, кто-нибудь в первый раз слышит такое слово, как *ubol* или *głupol*, ему нетрудно расшифровать значение, которое вкладывает в эти слова говорящий, благодаря легко устанавливаемым связям между этими и другими польскими словами на *-ol* и благодаря связям между этими словами и фонематой — омофоном *-ol* в таких глаголах, как *partolić* и *rzepolić*.

Я подозреваю, что новые экспрессивные слова, подобные слову *ubecja*, так легко усваиваются и начинают широко употребляться именно потому, что вкладываемое в них говорящими прагматическое значение легко определить (на подсознательном уровне) с помощью их формальных и семантических связей с другими словами.

Задача лингвиста — выявить эти слова на сознательном уровне и эксплицировать их. Поиск таких связей является в одно и то же время и эвристической процедурой, и методом обоснования и верификации предложенных интерпретаций. Следует отметить в этой связи особую роль, которую играют короткие ряды слов, источником которых служит одно-два слова,

интуитивно воспринимающиеся как необычные. Например, ряд, в который входят слова *ubol* и *robol*, как кажется, произошел из одного слова *ramol* (впоследствии в этот ряд вошли *zezol* и *ghpol*).

Все это напоминает явление, которое Шухардт [26] охарактеризовал как "спорадическое изменение" на фонологическом уровне. Возможно, что в области прагматических значений спорадические изменения такого рода встречаются чаще, чем в других областях семантики. Безусловно, это утверждение нуждается в проверке.

Наконец, следует ответить на вопрос, зависит ли описанный здесь тип языкового творчества от структуры языка. Д. Хаймз высказал предположение (в нашем с ним личном общении), что наличие богатой системы словообразовательных средств в польском языке (как и в других славянских языках) облегчило "взрыв" экспрессивных значений, который мог быть затруднен в других языках.

Я думаю, что он, возможно, прав в своем предположении; но остается необходимым исследовать, в какой степени структурные характеристики языка облегчают или затрудняют языковое кодирование возникающих прагматических значений. Следует сделать в связи с этим два замечания.

Первое. В русском языке есть структурные возможности, подобные тем, которыми располагает польский, и они были полностью использованы в области имен собственных [27, гл. 8], — но не были использованы в области антитоталитарного языка в той степени, как в польском.

Второе. Когда в культуре появляется настоятельная необходимость, то даже такие языки, как английский, у которого возможности экспрессивного словообразования ограничены, могут найти какие-то средства для кодирования возникающих прагматических значений, как я продемонстрировала в своем анализе экспрессивной морфологии австралийского английского [23]. Можно предполагать поэтому, что необходимость экспрессии, вызванная нуждами истории и культуры, может создать давление, которое приведет к структурным изменениям, и они каким-то образом будут восприняты языковой системой. Но и это утверждение нуждается в проверке.

*

Язык — зеркало мышления [28]. Язык — зеркало культуры и проводник по социальной реальности [29]. Язык также зеркало истории. Сама за себя говорящая иллюстрация этого положения — история обозначений политической полиции в польском языке.

В тоталитарном и полутоталитарном государстве, подобном "Народной Польше", полиция — государство внутри государства. Язык свидетельствует, что население страны никогда не признавало это государство законным. Наиболее явное проявление это отношение получило в слове *bezpieka* с его недвусмысленными коннотациями мафии и бандитизма.

Но помимо этого и в дополнение к продолжающемуся общему неприятию политической полиции, которое отражается словом *bezpieka*, лексика польского языка отражает важные изменения как реальных обстоятельств, так и отношения к ним.

Язык позволяет следующим образом описать историю отношения к политической полиции в Польше:

UB, ubowcy "УБ, убовцы" — коннотации страха, таинственности, ужаса;
Bezpieka "Безпека" — коннотации гнева, презрения, пренебрежения;
ubole "уболе" — коннотации отвращения и пренебрежения;
ubeki "убеки" — коннотации пренебрежения и уменьшительности;
ubecja "убеция" — коннотации снисхождения, презрения и пренебрежения, к которым при-
соединяется насмешка.

Английский историк Г. Эш [30] обобщил ситуацию в Польше после периода военного положения словами польского поэта "новой волны" — словами, звучащими в унисон с результатами лингвистического исследования, о которых было рассказано в этой статье:

«Польша, такая, как она сейчас, — это оккупированная страна; но это страна людей, которые точно знают, чего они хотят, и которые не откажутся от своей борьбы. Это страна, в которой, как это ни парадоксально, единственные настоящие диссиденты — т.е. те, кто "сидит отдельно" (*dis sedere*) и все еще старается дышать под водой, кто ведет себя дико и составляет меньшинство, — это коммунистические правители».

Мне кажется, что факты языка, проанализированные в этой статье, поразительно созвучны этим словам и что соответствие между историческими оценками и свидетельствами языка еще раз подчеркивает степень надежности данных языка в понимании истории и ее отражения в сознании народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Orwell G.* Nineteen eighty-four. L., 1949.
2. *Klemperer W.* Lingua Tertii Imperii. Die unbewaltigte Sprache. Darmstadt, 1946.
3. *Kosciński K.* Словарь русской ненормативной лексики // *RLing.* 1980. V. 5. № 1. P. 136.
4. *Zaslavsky V., Fabris M.* Лексика неравенства — к проблеме развития русского языка в советский период // *RÉSL.* 1982. V. 54, № 3, P. 394.
5. *Halliday M.A.K.* Antilanguages // *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning.* L., 1978.
6. *Słownik języka polskiego.* V. 1—11 / Ed. Doroszewski W. Warszawa, 1958—1969.
7. *Guzy P.* Stan wjatkowy. P., 1968.
8. *Torańska T.* Oni. L., 1985.
9. *Michnik A.* Takie czasy... Rzecz o kompromisie. L., 1985.
10. *Walichnowski T.* U źródeł walki z podziemiem reakcyjnym w Polsce. Warszawa, 1980.
11. *Dziewanowski M.K.* Poland in the twentieth century. N.Y., 1977.
12. *Dokumenty.* Wydarzenia marcowe. № 25. P., 1969. P. 139.
13. *Nowakowski M.* Raport o stanie wojennim. II. P., 1983.
14. *Weatherly F.E.* The old brigade. // *Who said what when.* L., 1988. P. 227.
15. *Szpotkański J.* Cizi i gegacze. P., 1973.
16. *Nowakowski M.* Raport o stanie wojennim. I. P., 1982.
17. *Guzy P.* Wielki nieszczęście // *Kultura.* 1982. № 4. S. 45.
18. *Nowakowski M.* Notatki z codzienności. P. 1983. S. 16.
19. *Karpiński J.* Polska, komunizm, opozycja. L., 1985. S. 283.
20. *Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt-am-Mein, 1972.
21. *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. Sydney, 1980.
22. *Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
23. *Wierzbicka A.* Does language reflect culture? Evidence from Australian English // *Language in society.* 1986. V. 15. № 3.
24. *Wierzbicka A.* English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney, 1987.
25. *Wierzbicka A.* The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.
26. *Schuchardt G.* On sound laws (1895) // *Schuchardt, the neogrammarians, and the transformational theory of phonological change.* Frankfurt -am-Mein, 1972. P. 54—63.
27. *Wierzbicka A.* Semantics and culture. N.Y., 1992.
28. *Leibniz G.W.* New essays concerning human understanding (1749). La Salle, 1949. P. 368.
29. *Sapir E.* The status of linguistics as a science (1929) // *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality.* Ed. by Mandelbaum D. Berkley, 1949. P. 162.
30. *Garton Ash T.* The Polish revolution: Solidarity 1980—82. L., 1983. P. 304.